Человечество Всеизобретателей освободит Человечество от ШЕСТИ капиталов: капитала и труда, закона и власти, оружия и повинности—от болезней и смерти, от нервности и сумасшествия, от земли и планетности—и сделает всех Изобретателями.

БЭОБИ. ИЗОБРЕТАТЕЛИ ВСЕГО ЗЕМНОГО ШАРА, ИЗОБРЕТАЙТЕСЬ.

ИЗОБРЕТ-ПИТАНИЕ

(как выход из всех современных тупиков-разрух и как путь к бессмертию).

Опыт популярного очерка ЖИЗНЕИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА.

Перевод с языка Ао и Скороизобретписи.

Издание Всеизобретальни.

Печатано во внегосударственной Аотипографии.

Изобретальня, 2-ой год по Изобретении Человечества.

Я был анархистом, „лидером-анти-лидером“, „теоретиком-антитеоретиком“, я основал и редактировал „Буревестник“, орган Петроградской Федерации Анархических Групп“, в котором я ругал власть „палачами, убийцами, Каинами“ и проч. и проч., но все это „блуждания“ — сознаю теперь—искания пути. А когда прозрел я и нашел путь Истины, Путь Изобретения, то мне стало ясно, что анархия, анархизм, и проч. измы, лишь социальные болезни, от которых следует лечиться и вылечиться. А главное, что я понял, это то, что мы все поголовно убийцы, все палачи, все Каины, да еще глупее, Каины и Авели вместе взятые: убиваем себя нашим лжепитанием, противопитанием, питанием голодом.

Я понял, что и расстреливающий и расстреливаемый одинаково давно подстреляны. Мертвый убивает мертвого и мертвый его хоронит........ Я понял, что все мы как подстреленная охотником дичь, которая еще добежит до близкого или далекого куста, но непременно свалится: стукнет два, максиум три, десятка и все мы в сырой могиле.

И увидел я весь социальный сыр-бор, как жужжание мух в жаркую пору, и сказал я себе: наступит осень, и всем вам конец. И увидел я себя, анархиста, политикана, как третью муху, жужжащую: „комиссары, комиссары," и сказал я себе: наступит осень и твоему комиссарообжужжанию конец.

И посмотрел я кругом себя и увидел весь ужас наших дней: гражданская война, голод, разруха, эпидемии, и понял я, что это лишь различные наименования для одной вещи, различные маски, которыми прикрывается наш главный единственный враг—смерть.

И мне стало жутко и вместе с тем радостно, как человек долго истерзавшийся в ожидании своего смертного приговора. „Смертный приговор подписан, возликуй!“

И понял я, что все мы и властьимущие и подвластные, и богатые и бедные—смертники, осужденные на смерть, и что напрасны и забавно-глупы все наши дрязги, драки, борьбы, критика, полемика. Они как споры и драки двух в одной каморке захлопнутых, за одной решоткой томящихся одним приговором осужденные к одной смерти, долженствующей исполниться совершенно одинаково, но в различные часы.......

И понял я тогда, что кто хочет наполнить бочку жизни медом, то раньше всего он должен озаботиться о том, чтоб к бочке было приделано дно.........

А между тем бочка нашей жизни из века так и стоит без дна, и все, как слепые, льют и льют туда кто меду, кто дегтю—а у бочки дна нет как нет.

И вот я слышу окрики „слепцов“: ,,утопист! смотрите на него он в бочку не льет, а чего то ищет, хлопочет внизу, у дна, будто забыл, что лить надо сверху, а не снизу“....

,,Умный“ обыватель! нам неважны твои упреки: „мы голодаем а он бессмертия ищет“.

Скажи мне обыватель, вечно брюзжащий: жрать нечего! что тебе так страшен голод?

Под ложечкой так и сосет.

— Ну сосет, так сосет. Черт с нею, с ложечкой-то.

— Мне не до рассуждений. Просто не хорошо, не приятно

— Ладно, проглоти, я тебе дам чуточку, и не будет больше голода, никогда, вечно будешь сытым.

— А как это назвать эту штуку.

— По латыни или по-русски.

— По-русски.

— Яд.

Да что ты наконец, не в своем уме человек—умру.

— Но будешь сытым.

Умный обыватель!

Значит, уже не голод страшен, ибо голод глупый слепой инстинкт, который можно обмануть чем угодно, набивая себе брюхо разным хламом или отравой. А страшен тот, который идет за ним, именно вечная, сытость, имя ей—смерть.

Инстинкт голода мы легко бы могли укротить, как укрощаем еще более дикий инстинкт пола, который хотел бы присовокупляться с всякой встречной по улице женщиной. Вот что нам выяснилось.

И выяснилось нам также, что не важно кушать, жрать, иначе, утолить голод, т. е. заставить замолчать, идиота крикуна, инстинкта голода, важно питаться, т. е. избегать, удаляться от смерти. Так что важно уже не жрать, а питаться, т. е. чтобы пища была питательна, вела бы к жизни; важно уже, следовательно, не сколько кушать, а „как“ кушать, ЧТО кушать.

Вот тут я, кажущийся вам все время утопистом, становлюсь на са-

мую реальную почву, на которой вряд-ли, когда-либо стоял так твердо и прочно на этой, по слепоте нашей, смертной земле—кто нибудь из живущих (не скажем больше смертных).

И вы хотели бы думать, что и я, пишущий эти строки, также как все путаные головы магии, предложу вам искать „живой воды“, жизненного элексира, или как метафизики или виталисты—какой-то таинственной жизненной силы Или же, как „заблудшиеся овцы Пастера“, отрекомендую искать микроба смерти, схватить его и с большой помпой схоронить—научнее, найти „токсин“ смерти и придумать и направить на него—антитоксин, словом, измышлять сыворотку против старости, и тут целая вереница фокусов разных факиров, „омолаживателей человеческого организма“ разными научно-кудесническими способами, вроде слияния половых клеток и проч. и проч. и проч. Иль, что еще проще, вырезать себе слепую кишку, по Мечникову, и таким образом, сразу, маги-

ческим способом, превратить телесную дисгармонию в гармонию.

Нет, не это наш путь. По нашему, нечего искать Индии и по-колумбовски открыть вечно, на самом деле, бывшую открытой Америку. Нет нисколько не как Колумбм Но если хотите непременно как Колумб, то уж не как Колумб сам, а как яйцо Колумба.—

Когда нас обуял черный ужас неизбежной смерти, нашей осужденности то мы увидели в густом мраке пессимизма широкий светлый путь, веками проложенный и проторенный путь жизни под самыми нашими от отчаяния окаменевшими ногами. Не на небе мечты, не в бездне токсинов и патогенных микробов, а на реальной земле—питания.

Древо жизни — это древо питания. Не правда-ли, что это значит открыть, как Колумб, открытую Америку. А между тем слепцы, и слепой сначала Колумб, Индии искали. И берите хоть бы библейскую легенду о древе жизни, — что оно

представляет собой, простое дерево, простой плод. Это просто символ изобретения человеком питания плодами.

—Не в рай ли хотите нас повести и посоветовать питаться голодом и плодами, и гулять там нагими как Адам и Ева. Богат этот путь, путь по океану, разными приключениями разных Дон-Кихотов, забывших свое время и желавших воскресить старое заглохшее романтическое прошлое. Мы не романтики, не будем вам рекомендовать лечиться ни постами, ни голодом, ни плодами.

Мы не сыроеды. Не принадлежим ко всему этому десятку Дон-Кихотов питания, реакционеров сыроедства, вегетарианства, черпающих свое оправдание лишь в анархии нашего питания.

Но все-же одно вы уже знаете, что из мрачного пессимизма отчаяния мы вышли в самый радужный оптимизм, убеждаясь в призрачности нашей приговоренности, богами-ли, природами-ли, естествами-ли, к смерти.

Мы убедились, что собственно ор-

ганизм наш вовсе, по существу, не осужден на смерть, что его способностью к возстановлению, к возмещению изнашивания он выходит или его можно легко вывести из ряда всех других машин. Его можно легко превратить в напрасно мечтателями средних веков искомый „вечный двигатель“. Представляя собой „самодвигатель“, самопитающийся, он посредством изобретенного, планомерно урегулированного питания легко, очень даже легко, может делаться вечным.

И нам стало ясно, что царство небесное не на небе и даже не на земле, на естественной земле, не в земном раю, а просто —как это ни понравится некоторым романтикам и поэтам—на столе в тарелке.

И так, бессмертие наше буквально в наших руках, еще проще, в ложке и тарелке, точнее, в питании.

Еще яснее: человек, который не жрет, что ему попадется под руку, не клюет как рыба червячек с удочки смерти, человек,—которого не

заманишь отравленным куском сала, а питается регулярно, в определенное время, систематически, по определенному плану, употребляя в пищу не то, что его манит, как мышь и рыбу, а лишь то, что он считает полезным,— этот человек, на самом деле, ежедневно изобретает себя, создает себя, воскресает себя, спасает и удаляет себя от подстерегающей его смерти, от болезней и эпидемий.

Значит, воскресение у нас есть, ключ к безсмертию, к искусственному созданию нашего тела, (ибо посредством хорошей пищи, хорошего питания, мы себя создаем, изобретаем) есть, и он такой простой, такой всем известный! Значит, уже не утопия, не миф и не „ум за разум“, слишком мудрые, метафизические ли научные ли гипотезы, а раельность, осязаемая, всем очевидная, простая и очевидная, как сама смерть.

Но как же этим простым ключем отпереть таинственный замок таинственных глухих дверей таин-

ственного дворца Вечной Жизни.

А просто мы редко питаемся, по большей части отравляемся, еще больше, жрем, а наше тело умирает попросту голодной смертью. И вот простые и ясные доказательства. Если дело было-бы, как по Мечникову, в кишечнике, в населении его смертоносными микробами, то почему-же не умирает раньше всего кишечник. А кишечник, на зло новоиспеченной науке, микробиологии, функционирует, живет и на старости. Если бы старость была бы простой отравой токсинами, от которой можно избавиться сывороткой, то первым делом должны были отмереть внутренние органы. И с другой стороны, почему же у отравленного не седеют волосы, если старость и отрава одно и тоже.

— А кто же раньше умирает?

— Умирают внешние органы, далекие от питательной центральной станции, от сердца. И посмотри, кто первые умирают? Самые далекие от питания, самые голодные, изглодав-

шиеся, вечно чахоточные, тощие тоненькие волосы—они седеют, т е. умирают прежде всех. После начинает морщиться, высыхая от голода, значит отмирать кожа, как вторая по очереди разстояния ея от главного питательного пункта. Холодеют руки, холодеют ноги, трясутся колена и т. д. Только под конец умирает от голода сама живая пища, кровь, и сам питательный пункт—сердце. За ним останавливается дыхание, т. е. перестает питать других и себя первый питательный пункт—легкие. Отсюда ясно до очевидности, что всякая, во всяком случае, так называемая нормальная смерть, есть голодная смерть, смерть от внутреннего голода, истинного смертоносного голода, о пагубном действии которого —увы не сообщает нам слепой кракун, „кликун из под ложечки“.

— Итак, я вас уже кое-сколько понимаю, ибо вас собственно не понимать невозможно, уж слишком проста эта штука. Но почему же неизбежно наступает смерть для всех

живых существ и тогда, когда они обильно питаются",—скажет кто-то из читающих.

На это мы отвечаем просто и ясно: именно беда в том, что они воистину не питаются, а лишь лжепитаются, противопитаются, создают иллюзию питания, питают, как мы выразились, крикуна из-под ложечки т. е. просто много жрут, как животные, набивая себе брюхо, не разбираясь много ли толку в этой еде, доставляется ли она кому нужно, т.е. тому органу, который изголодался, доставляется ли она по месту назначения или просто, извините, проходит задним ходом обратно, по просту вышвыривается вон, как ненужный лишний мусор.

— Я догадываюсь речь идет о выделениях. А разве вы считаете выделения аномалией, ведь организм отравился бы, если бы их не было.

— Бессомненно. Выделения благо для мусорного ядовитого современного естественного питания; без него организм отравился бы через пару дней.

Но ведь это показательно! И как же вы можете после этого требовать от вашего организма, чтоб вечно функционировал он. Ведь вы же его постоянно засоряете отбросами, малую часть которых ему удается вышвыривать. Представьте себе, стали ли вы бы жаловаться на каменьщика, которому, вместе с кирпичами, доставляется, мусор, который высыпается на его неконченную работу постоянно, ежедневно, ежечасно, стали ли вы бы диву даваться, если в одно прекрасное утро вы посмотрели бы и увидали, дом развалился или вообще вместо дома—большая мусорная куча. Да, мы считаемся с крикуном, с голодом, а молчаливого работника никогда не щадим, и вот он тащит свою ношу пока в одно прекрасное утро не свалится на земь и испустит дух, и тогда ахнем от удивленья, вот как! не выдержал. не хорошо. Но ведь не хорошо это не когда он свалился, а когда его обременили чрезмерной тяжелой работой, когда его не щадили, как не щадим наших животных.

И на самом деле, мы обращаемся с самим собою тоже как с животным, взваливаем, взваливаем, пока не оборвется. Голод кричит, это не нормально, больно, а выделения нормальны потому что не больно. Но это не правильный взгляд, навеянный современной наукой, считающейся с естеством и боготворящей естество. Ведь зубная боль может вам показать насколько нужно быть недоверчивым к инстинктам, к внешним проявлениям, зубная боль—ужас, а смерть от удара, от паралича и т. п. она совсем не страшна: не больна. Но боль ведь не существенна: разве вы не видели умирающих без всякой боли. Выделения не причиняют боли, но они грозный прегрозный симптом, о котором речь еще будет дальше.

Но не думайте, что этим дело исчерпывается. Главный враг это не только эта смертоносная анархия питания это постоянное введение в организм совершенно лишних элементов, не питательных, а еще большая беда в том, что мы оставляем организм

совершенно на произвол, заставляя его тратить все свои силы, не на сам процесс питания, и не даже на обработку неживого материала в живое, но просто на выбор и чистку грязи и мусора. Представьте себе что бы вы сказали, если бы видели бы что дорогоценного работника, мастера шить новые сапоги с шиком заставляют собирать рванье и чинить его или совсем заниматься чисткой сапог.

Это бывает иногда во время великой беды, большой нужды, случайного несчастия, бедствия индивидуального или социального. Но постоянно, разве это может продолжаться, разве это не ведет к разорению, к гибели. Разве вам неясно, что, в конце концов, мастеру надоест, уморится он и все остановится.

Но это мы о мастере простом, но вообразите себе гениального мастера, изобретателя, примерно, — Стефенсона, изобретателя железной дороги, что случилось бы, если делать его кучером или кузнецом, подковывающим

лошадей, или Фультона, изобретателя парохода, заставить полоскаться в болоте на бревне—что доброго можно ждать после этого.

А теперь вообразите, что все это даже несравнимо, несоизмеримо с той роковой, стоющей нам жизни небрежностью, с тем недоценением наших органов, органов питания и кровообращения, которое практикуется всеми нами. Этих великих мастеров, которые, как баснословный превращающий все к чему прикоснется в золото принц, умеют преобразовать неживое, мертвое, в живое, заставляем чистить мусор, который ими, после очищения, выбрасывается в виде выделений.

Значит, этот вонючий отравленный мусор не только не превращен в живое тело, но еще и засорил наше нутро, заморил и отравил наших воскресителей, наших богов, истинных спасителей, созидающих-спасающих нас от смерти, наших созидателей.

Скажите теперь, не являемся ли мы ежедневно, ежеобедно, ежезавтрачно и ежеужинно Пилатами, распинателями тех Христов, которые обитают в нас, нас самих, и без чудес воскресающих нас ежедневно, ежечасно!

Вваливаем кучу мусора разных блюд, разного гнилья—и говорим: „Ну, поройся желудок, выбирайте, кишки, сердце и т. д., каждому что надо,—остальное вышвирните вон!"

Но, спрашивается, не можем ли мы все это сами проделать, нет ли у нас средств, орудий, машин для счистки и выработки всех продуктов, для пептонизации их, в такой уж мере, чтоб животворящим работникам не пришлось бы рыться, засориться, отравиться, чтоб им не пришлось чистить и вышвиривать, а лишь животворить нас, воскресить нас, созидать нас, удалить нас от смерти.

Нет! до этого не догадались или, если догадались, то отгоняли

эту мысль прочь, как святотатство. Нет! куча мусора свята, неприкосновенна, ибо она окрещена святым именем „естественного питания“. „Оно, т. е. питательные препараты, не в состоянии заменить даже самой отдаленной составной части общего питания (Д-р Пикардт)“. Слепые петухи старой медицины! ошлифованные земчужные зерна не могут даже самым отдаленным образом заменить вам мусорную кучу! Кто станет спорить с вами, если в судьи вы давно себе избрали, согласно басне Крылова, современную естественную жрущую свинью на двух ногах...

А о желудке, об органах питания, они мало заботятся, что за беда, захворают, будем лечить, издохнут—тем лучше, будут усиленнее размножаться. „Праздны вы,“—они говорят органам питания языком Фараона. Нет „и соломы вам не дадим, а кирпичи нашего здания, здания жизни, все-таки делайте. Пусть сами ходят и соби-

рают себе солому". И строители нашей жизни погоняются кнутами старо-медицины, пилюлями и лекарствами, чтоб сами собирать по соломинке, собирать, выбирать, что пригодится для кирпичей. А после этого приходят фараоны старой медицины и говорят: урочного числа кирпичей нет, еще микстуры, погоняйте, „латинские приставники!"

И толстовские смиренцы, на самом деле, рассеиваются по всей земле сами себе вегетарианскую солому добывать...

А несчастный желудок всеже должен положить кирпичи нашей жизни. Не очевидно ли, что крах неминуем, неизбежен. „Язвы", „мрак"—смерть...

. . . .

Так говорил я аудитории моей, очнувшись от анархического угара,—аудитория-же хлопала ушами и, наконец, не вытерпев, оборвала меня, сказав устами Интеллигента:

— Все это прелестно, все это, может интересно для кухарок, но какое же это отношение имеет к основному вопросу нашей нынешней повседневной жизни, собственно к выходу из тупика?

— О каком-же тупике. Разве у людей, изобретательных существ, может быть какой-нибудь тупик?

— Я вижу, вы не с нашей планеты. Проще, вы, очевидно приехали откуда то, где все вдоволь, и вот вы нам лекции читаете о чрезмерном обременении желудка. Вы, очевидно, не знаете, что у нас в закуску кровавой трапезы мировой бойни вот уже четвертый год тянется гражданская война. Расказать ли вам всю эту историю! Признаться, я бы и слушать вас не стал, а я все думал, что вы имеете свою теорию о происхождении всех этих явлений, которую вы намерены изложить нам, а вы черт знает о чем толкуете.

— Умный интеллигент!. Но ведь мы не историю пишем, а жизнь,

а откуда что произошло оставим для маленьких Кант Лапласиков или еще помельче, для Дарвино-Спенсеров. Помилуйте, какое нам дело до истории, ведь дело не в том, откуда все пришло, а в том, куда бы оно поскорее ушло, вернее, как бы его поскорее выпроводить, как бы от него избавиться.

И тут то зала опустела, всякий давай бог ноги: интеллигент первый выскочил, за ним рабочий, крестьянин и проч., словом, весь „народ".

— Это уж совсем безинтересно! говорили и ушли.

Попутно.

Напрасно думают, что метафизикой с основной ея болезнью: „откуда что произошло" одержимы лишь интеллигенты. Эта ошибка проистекает оттого, что обыкновенно эту метафизичность считают мудростью, да еще сверхмудростью (супраинтеллектуальностью). Однакож, одержимость вопросами, которую мы встречаем у отсталых и

полуумных детей показывает нам, что источник этой вопросительности, происхожденчества, происхожденьеискательства есть недомыслие, дефективность, и нередко просто навязчивая идея, которая должна быть обозначена как „культурная навязчивость“. Что этой болезнью одержимы и простые люди, вследствие-ли векового заражения их интеллигенцией (как раньше думали мы), или просто по примитивности больного естества (как мы теперь думаем), показывают нам эти деревенские Хори и Колиничи, постоянно почесывающие свои метафизические затылки. Даже наоборот, мы склонились бы утверждать, что именно деревня есть колыбель и очаг метафизичности, происхожденческой заразы. В английской деревне родился дарвинизм и эволюционизм (спенсеризм), культурная, вернее, противокультурная болезнь нашего века. Деревня это большая спальня, и народ—большой ребенок, вечно вопрошающий.

И метафизик басни Хемницера, упавший в яму и задающий оттуда вопрос на поданную ему веревку, за которую он должен уцепиться, чтоб вылезть: „А веревка вещь какая?“ это ничто иное как деревенский философ или романтик деревни, так сказать, деревне-ман.

Но хуже хемницеровского метафизика это канто-лапласо-дарвино спенсеровский метафизик, происхожденчески-эволюционистский метафизик, ибо хуже вопроса, „что такое веревка“—это „веревка откуда пришла“.

И интересно, что все эти больные, все эти психопаты, все современное общество, получая ответ, откуда произошла веревка, преспокойно остается в яме, как в „исторической железной необходимости“.

И вот, потерпев полное фиаско в аудитории, я выхожу на улицу, в поисках за ушами нового слова.

Вижу очередь. Подхожу. Слышу каждый брюзжит.

— А много ли, примерно, Мос-

кве продовольствия надо? обращаюсь я к наиболее ропщущему в очереди.

— Малость, улыбается тот и оборачивается, как бы говоря: не стоит говорить с чудаком.

— А почему бы не подвозить побольше—спрашиваю я второго роптуна.

— Что вы, с Марса упали: паровозы больны, железные дороги разрушены.

— А почему бы не починить паровозы и наладить железные дороги—спрашиваю я дальше.

— Чинят то чинят, да толку мало—отвечает тот хмуро, злобясь на мою неосведомленнотть.

— Для того, чтобы наладить транспорт, —раз'ясняет мне юноша в студенческой фуражке, — надо **усиленно** работать, а для того, чтоб усиленно работать надо „**усиленно**“ пожрать.

И хмурые засмеялись.

Вот вам проблема не хуже мировой, словно квадратура груга: ку-

шать надо чтоб работать, работать надо, чтоб кушать. Круговорот пока вертится—ладно. Но когда он обрывается, то никто не знает „с чего начать". „Общественники" говорят: работать! „Индивидуалисты" отвечают: „давайте жрать". Воистину заколдованный круг. Кажется, ничего не придумаешь. Но нет. Неверно Выход всегда есть: **изобретение**, создание новых условий.

Как во всех наших тупиках, „мировых", общественных или личных мы лишь смахиваем на муху, попавшую в бутылку с узеньким преузеньким горлышком. Бьется несчастная муха—выхода нет. И на самом деле, чем озлобленнее бьется эта муха то о одну стенку бутылки, то о другую, тем дальше она от нахождения выхода. Но стоит только ей чуть подняться... и она свободна. Какая ширь, какой полет, какая необ'ятность!

И какой простой способ!

А это поднятие мухи несколько вверх, если не случайно, а проду-

манно — этот прорыв нашего мушьего кругозора — мы называем **изобретением.**

Всемогущее изобретательство! какая ширь, какая бесконечность! и какая простота!

И бьются люди-мухи внизу, и некогда им подняться, слишком они забрали себе в голову стенки, слишком гипнотизируют их взор злосчастные ничтожные стенки...

Вы меня извините, я не желаю обидеть, в данную минуту, никого, не хочу задеть святые чувства кого-бы то ни было, тем более чувства, которые еще так недавно жили в моей груди, в моем сердце, в моем дыхании, все-же позвольте мне назвать одну стенку „революцией", а противоположную — „контр-революцией" или-же наоборот. Мимоходом хватит, перехожу к теме.

Позвольте мне теперь еще утвердить кажущийся парадокс, который тем не менее, вдумываясь в него, окажется, выходом через

узкое горлышко из нашей бутылки, блокады.

Я смею утверждать: **люди голодны, потому что обжираются, а железные дороги разрушаются, доконаются, потому что подвоз слишком большой.**

И тут на меня могут обрушиться все изголодавшиеся с кулаками, скрежеща зубами: этот уж совсем заморить нас хочет!

„Бей, но выслушай!“ успокойтесь, античеловеки! мы не за голод, а за питание, за настоящее, доподлинное, животворящее, жизнедарующее, жизнеизобретающее. Мы не за голод, за инстинкт, мы не за естество, за смерть, за смертожизнь, а за подлинную, человеческую, здоровую, за жизненную жизнь, за вечную.

Вспомните только сказанное нами: не жрать надо, а питаться; не важно „сколько“, а важно „что“ и еще важнее „как“, словом, не количество пищи, а качество, и более чем качество—способ-метод—извините за грубость: **важно не то, что**

входит в рот, а важно то, что **выходит**, **но не изо рта**, а... а, осмелимся нарушить хороший тон: **через задний проход.**

Не то, что входит в рот питает человека, дает силу, важнее, здоровье, еще важнее, жизнь, а то, что не проходит обратно; то, что не выделяется, а **усваивается** организмом, всасывается в кровь, расносится кровью по всему организму и **строится после в живую ткань.** Следовательно, не важно кушать, не важно даже питаться, а важно строиться, изобретаться.

Значит, парадокс наш уже вовсе не парадокс, а элементарная очевидная истина, которую люди не замечают или не соблюдают и из-за пренебрежения которой они, в конце концов, платятся, не только здоровьем, но и **жизнью.**

Люди, жрут, пьют то, что „вкусно“, т. е. то, что раздражает нервную систему, но не питаются, не дают надлежащей пищи своему организму, всем органам равномерно

и в удобоусвояемой форме, а главное, не живостроятся, не живоизобретаются.

Значит, вполне возможно обожраться, набить брюхо, вечно лакомиться, и на самом деле голодать, буквально умереть с голоду. Дальше, можно даже жиреть, нагулять себе брюшко, и, на самом деле, издыхать, как голодный пес, от истинного голода, от отсутствия **строительных материалов для организма.**

Все это так элементарно-азбучно, всем известно, даже, общее место, что недаром Интеллигент, преследовавщий нас и на улице, бросил нам упрек:

— Вы вламываетссь в открытые двери.

— Да—мы ему в ответ—двери давным давно настежь открыты, но все-же почему-то все лезут через стену, разбивая о ея неумолимость свою башку: Америка извеки была открыта, а все-же все, по какому-то року, ездили в Индию...

Вы скажете это элементарная исти-

на, но важна не истина сама по себе, а **как** ею пользуются, важна не количество земли, а интенсивность агрикультуры; важна не руда, а сколько, что и, главное, „как“, из нея добывается.

И вот дайте нам минуточку показать вам, **как эксплоатировать** эту простую истину, и вы увидите, какого количества тепла и света мы из нея добудем: и если не сразу, сию минуту, накормит, то согреет и озарит нас новым светом, новым утешением.

Итак, сыт, на самом деле, не тот, кто обжирается, кто ест до отвалу и проч. И, с другой стороны, так как силлогизм: „люди смертны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен“ пока что, до нового изобретения, оправдался, и так как смерть мы разсматриваем не иначе как голод, как голодную смерть, то из этого следует, что не одна так называемая (ибо мы стран не признаем) „Советская Россия“ голодает, что напрасно нагуливает себе жиру буржуазная Европа, тешась блокадой. И „блокадчики“ голодают.

Голодает и Ллойд-Джорж, и Мильеран, Ротшильды и Рокфеллеры! Ведь они умирают, т. е, стареются, значит, голодают, ибо не только голод ведет к смерти, но и смерть ведет обратно, т. е. доводится до голода.

Следовательно, напрасно буржуа „снимает сливки“ сверху, оставляя одну кислую воду снизу для рабочих—все равно голодной смерти тебе не миновать в будущем и голода, истинного, внутреннего, так называемого клеточного, не избегать тебе в настоящем. И, с другой стороны, как только Человечество будет иметь свое Изобретенное Питание, то равномерное распредление этого Изобретенного Питания, этого Единого Всеобщего Пептона, между всеми изобретателями Человечества одинаково положит конец вечному нашему голоду и вечным нашим дрязгам и спорам из-за куска поганого хлеба, из-за голодной смертной пищи......

Но это,—скажут мнимые реалисты, на самом же деле, ограниченные слепые утописты, т. е. утописты закупоренной бутылки,—музыка будущего.

„Вам надо кормить в будущем, кормить Человечество, а нам кормить в настоящем, русский город“—слышим мы резонно-солидную отповедь Р. С. Ф. С. Р.

— Вы все удираете от злободневного, от настоящего—ропщут другие, Улица.

Ладно. Давайте настоящее, самое что ни есть настоящее, окунемся в нем с головой, но чтоб голову все-таки же мы не потеряли, чтоб голова, изобретательная, все-же всплыла вверх, покоряя стихийные волны.

Повторим опять, чтоб не забыть: важна не истина, а эксплоатация истины, важны не предпосылки, а вывод.

А вот вам и вывод для сущего настоящего, и вывод такой же простой и ясный, как предпосылки:

Меньше жрать, а больше питаться, больше строиться, живостроиться, самостроиться.

Принимать в себя всегда меньшее количество пищи, а только доброкачественное, высокопитательное, а когда только возможно, забросить всякое естественное лжепитание, и воистину питаться, т. е. питаться одними пептонами.

И вот—смотрите—и клубок повседневщины начинает распутаться—заколдованный круг прорван: железные дороги не должны возить малопитательного хламу, ни картошки, ни капусты, ни вонючей или невонючей рыбы, а возить высокопитательное, которое никакого места не занимает, еще лучше, подвозить истинное питание, пептоны, один пуд которых может равняться чуть ли не миллиону пудов картошек.

Абсолютно остановить подвоз малопитательных продуктов, ибо они несут не только смерть своей недоброкачественностью и малопитательностью, но и разорение своей громоздкостью, своим разрушением транспорта.

Создайте, так сказать, золотой фонд питания, фонд пептонов, если уж не единого всеобщего пептона,—это будет истинное питание, им вы себя застрахуете от краха. Накоплением же питательных бесценностей вы идете навстречу неизбежному краху. Сосредоточьте все ваши силы на одном, на высокопитательном, еще лучше, на воистину питательном, на пептоне; остальное скиньте с ваших весов.

Учитесь у умного капитана: в минуту опасности, он все сбрасывает с корабля, а когда корабль спасается, на первом берегу он, если хочет, вновь приобретает все безделушки.

Сбросьте с тонущего корабля продовольствия весь хлам, все гнилье, все естество, и он достигнет благополучно гавани Новой жизни, коммунистического берега.

Учитесь у фронта: хороший стратег не расбрасывается силами, не лезет в мелкие драки, он сосредотачивает „ударный кулак“, которым ударяет по облюбованному и заранее оцененному им

месту. Сосредоточьте и вы питательный кулак и ударьте им по самому чувствительному месту питания, ударьте по самому питательному, по истинно-питательному, по пептону!

О, если вы, смелые в социальных отношениях, не убоялись бы посягать и на кумир ветхого питания—на хлеб. Какой благодатью, каким счастьем это было-бы для вас!

Вы сказали А, скажите-же и В. Вы революционизировали хозяйство, революционизируйте и питание—пептонизируйте его! А пока вы в этой области не начнете действовать по-революционному, по-новому, у вас ничего не получится кроме противоречия между новой формой (распределения) и старым содержанием (естественных непитательных веществ).

Распределять хлеб по карточкам! на самом деле ведь нет ничего смешнее и трагичнее этого. Ведь его вдоволь в деревне. Ведь им хоть пруд пруди в буржуазных городах и царствах. И тут каждый, вздыхает, вспоминая, было время и все это было вдоволь... Распределять же пептоны по карточкам—вот это идет: н о в о е с о д е р ж а н и е в н о в о й ф о р м е.

Это будет, конечно, не брюхастое питание, не питание одного брюха, а истинное, настоящее питание всего тела одинаково, на самом деле, коммунистиче-

ское,—и не выколачиваемое штыками из поганой деревни, а городское питание, лабораторное, изобретательное.

И более смышленые наименее реакционные крестьяне, раскусив в чем дело, отдадут вам весь свой хлеб—за пептон, носящий истинную жизнь и здоровье Человеку.

Это будет истинный коммунизм, это будет истинное питание, „трудовое“, не мешающее труду, как набивание брюха картошками,—это будет качественное питание.

Не гоняйтесь же за количеством, за молвой в очереди, ибо налеганием на количество у вас не получается, при разрушенном транспорте, ни того ни другого.

Налеганием на количество у вас получается принужденное вегетарианство, которое, будучи без всякой моральной подкладки, хуже мясоядения, ибо оно вечное голодание с переполненным желудком. И пора сказать правду, что вегетарианство есть обыкновенный толстовский ход назад, из современного зла в бездну прошлого, из огня в полымя, ибо, если мясо есть пожирающее пламя смерти (отравление), то вегетарианство — есть до-мясо, травоядность, жалкое прозябание, медленное угашение жизни с темным пятном, смертью...

Итак, вместо фетишистической погони за хлебом и прочими лжепитательными, непитательными или вредными веществами, словом, за естеством, за примитивностью — лучше устройте погоню за пептонами, за питательными препаратами. И тут сразу избавитесь от заградительных отрядов, от озлобления крестьянства, от неклеящегося и вредящего самому коммунизму насилия и пускания в ход прикладов, оружия и проч., словом, от всего и вам нежелательного, а лишь навязанного естеством, естественными примитивными обстоятельствами.

Закупайте пептоны заграницей, пока не выработаете сами. Делайте колоссальный заказ на них заграницей, привлеките к делу всех прогрессивных химиков и врачей, пригласите наиболее изобретательных из-за границы сюда—упраздните компрод, замените его „компитом", „компептом" и наладьте дело питания на новых изобретательных буржуазному миру и не приснившихся началах, воистину подобающих широким замыслам, размаху комстроя.

И загудят гудки, засуетятся железные дороги, а главное, затрещат, зашипят „летучие драконы" (страшилища старого мира), несущие ныне свободу и счастье Человечеству—аэропланы.

Но уйдем опять от злободневного с целью скоро вернуться к нему с новыми силами, с новой еще более сильной убедительностью. Продолжим оборванное аудиторией.

. . . .

. . . И. любопытно, что в так называемом теле, мы встречаем ту же неурядицу, что в так называемом хозяйстве. Мы говорим так называемое тело, как и так называемое хозяйство, ибо как неурядица в современном хозяйстве нисводит его к нехозяйству, к противохозяйству, так что экономика есть антиэкономика, неэкономия, так и естественное тело собственно не есть тело, не что-то планомерное, а неурядица, антитело, противотело. Другими словами, как неравенство распределения благ в обществе превращает-извращает его в лжеобщество, в необщество (противочеловечество), в антисоциальность постоянных конфликтов, борьбы, гражданской войны, так и неурядица в нашем питании, неравенство, непланомерность распределения продуктов питания между органами, осуждает тело быть противотелом, нетелом, да еще приводит его,

наконец, к полному краху, к разложению, к смерти.

Выделения это, следовательно, постоянная хроническая болезнь организма, результат, так сказать, свободной конкурренции клеток, органов; депрессии, кризисы—это заболевания, за которыми следуют мнимые кажущиеся оживления: далее, идет старость, вроде хронической постоянной безработицы и голодухи, затем—финал, худой конец, полный развал всей буржуазно-либеральной, анархической системы—смерть.

Вот вкратце картина анархии нашего тела, анархии его экономики, его хозяйства, т. е. питания.

И присмотритесь хорошенько и вы увидите, что старость очень часто совпадает с ожирением, как мы это формулировали, некоторых органов, клеток (за счет других). И это явление настолько оно странно для других, настолько оно понятно для нас. Как это ожирение, избыток, накопление жира, так сказать, телесно-питательного богатства, назо-

вем его „капиталом“, клеится с нищетой, с голоданием, вырождением и вымиранием всего организма, большинства организма! Да, по либеральным естественникам питания, по Адамам Смитам питания, это несуразность, нелепость, все-же вопиющий факт. А по нашему, по антиестественному, изобретательному, смеющему во все вмешиваться, все регулировать и регламентировать—это вполне правильно так как одно является следствием другого: именно потому что одни жиреют, другие пухнут с голоду и, с другой стороны, именно потому что одни голодают, другие получают этим возможность жиреть. Это одна версия, одна точка зрения, озлобленная, тенденциозная. Или просто одно хорошо уживается с другим, как результат неправильного неизобретательного неурегулированного распределения питания.

Итак, ожирение и чахотка, по нашему, лишь два проявления одной

неправильности нашего клеточного питания, являющегося следствием той анархии, того естественного хаоса, отсутствия изобретательной системы, планомерности и урегулированности, что в естественном питании.

Если бич человеческого рода, чахотка, этот волчий голод клеток, это внутреннее клеточное пожирание друг друга, которое, по нашему, вовсе не является результатом особой микробной токсинизации (отравления), как думают некоторые, —если он обрушивается, в первую очередь, на легкие, то в этом опять-таки не трудно усмотреть почти курьезную аналогию с социальным: легкие—самый трудовой элемент организма, денно и нощно неусыпно работающий. И если они находятся в скверных условиях своего собственного прокормления, т. е. при скверном воздухе, то они и из органов, наиболее скверно питаемых организмом, спасти которых, при условиях городской жизни, возмож-

но поэтому лишь теми мерами, изобретениями, которые нами будут указаны ниже.

Чахотка, таким образом, есть лишь клеточный голод. А старость не что иное как медленная чахотка, чахотка большинства или многих органов, замедляемая ожирением меньшинства или немногих органов и клеток.

И вот мы дошли до мишени, до центрального пункта, до фокуса всех выраженных в этой брошюре идей.

Старость это медленная чахотка, хроническое, органическое клеточное недоедание, доходящее до полного голода. Но что такое смерть, смерть как финал, не как одно опускание заневеса над тяжелой драмой „голода", а как злосчастная катастрофа, предшествующая и влекущая за собою опускание черного занавеса мрака и небытия над нами?

Смерть это крах, ломка, развал здания организма вследствие полного нарушения его равновесия, столкновения нашего обжорства с

голодом, вступления в смертный бой, в последнюю схватку, жирных клеток, „буржуа", с голодными, с „пролетариями", упавшими до люмпен-пролетариата, децеллюлировавшимися, окончательно деорганизовавшимися (если будем говорить на социально-биологическом языке), или же просто нарушение устойчивости всей системы органов (если будем говорить на физико-механическом языке). Смерть, таким образом, социально-биологически выражаясь, полный развал данной биоэкономики, данного телохозяйства, вследствие дисгармонии, противоречия органных или клеточных интересов.

Отсюда следует, что горе обжирающимся-голодающим, т. е. естественно, непланомерно, несистематически, неизобретательно питающимся; иначе, тем, которые голодают, обжираясь и жирея; горе вам, когда вы мнимо здоровы, ибо вас подстерегают болезни на каждом шагу, но вы в слепоте своей, видите своего врага лишь тогда,

когда он схватывает вас за горло и валит на земь, т. е. в кровать. Горе вам, ибо вы и не слышите—вы заняты жратвой и лакомством—тихие кошачьи шаги прокрадывающейся к вам смерти, голодной смерти. Горе вам, ибо ваша анархия питания, ваш органо-клеточный анархизм, постоянно роет вам ямы, куда вы проваливаетесь, он роет вам, наконец, и могилу, сколачивает вам и гроб. Он ваш внутренний враг, и когда на вас нападает болезнь извне, он соединяется с ним. Он и невольная подмога внешнему врагу, когда вы боретесь с болезнью; он камень вашего преткновения, когда вы спотыкаетесь; он и кладет свой груз на чашу весов вашей жизни, когда они колеблются, давая перевес чаше смерти.

Чуть ли не тысячи блюб и десятки тысяч разных лакомств придумали естественные люди и все-же это их не спасает от голода,—разве не ирония ли это!

А эту злую иронию опять таки

сыграл над нами дьявол анархии,— дьявол нашей естественности, хаотичности, асистемности, неплапомерности. Миллионы грандиозных предприятий и в результате—нищета. Миллионы обжиралок и в итоге— голодная смерть.

Не ясно ли вам, что все эти обжиралки, все эти рестораны, столовыя это агнеты смерти, дезорганизаторы нашего питания. Не ясна ли вам, что наша кухня смертоносна своей беззалаберностью, своим беспорядком, своим голодом, прикрываемым мнимой сытостью, как нищета городов припудривается мнимым лоском богатства; как духота, отсутствие воздуха, маскируется у нас злосчастными садиками, сквериками; как падаль мясная или вегетарианская, которой мы питаемся, лжепитаемся, противопитаемся, т. е. **уморяемся** и отравляемся, обсыпается, перцуется н приправляется разными пряностями; как мертвецов и смерть разукрашиваем пышными венками. Куда ни взглянешь везде мишура,

лоск, внешность прикрывают нашу наготу, неимение порядочной полезной изобретательной одежды, нашу нищету, непонимание и нежелание и неимение настоящего изобретательного хозяйства, наш голод, наше неимение, непонимание и нежелание иметь настоящую планомерную, систематизированную и изобретенную пищу.

И как одно, социальное естество, примитивность, лживый избыток, хаос, столпотворение, бессмысленное нагромождение ради обмана других и самого себя, эта буржуазная анархия, это множество хозяйств, предприятий, фальсификаторски запрятывает свою мишуру, внутренний банкрот, разложение и гниение, другим еще более примитивным естеством, роскошью сверху, позолотой, галунами, скачками, выездами, балами; так и телесное естество, питательный хаос, питательный смрад, тут уж буквальное себя засорение и загниение, схоронение себя заживо,

закуривается опиумом, сигарами, папиросами, запивается дурманами, шампанским, ханжей, кофе, чаем, занюхивается кокаином и проч. и проч.

Воистину вы правы. В древности существовал обычай, напоить дурманом казнимого. Ваши трапезы, ваш стол, мнимый кормилец— это ваш эшафот, а ваши—алкоголь, папиросы, чай, кофе и проч.— это ваш дурмам перед казнью.. перед вашей самоказнью.

Воистину вся эта дикая кошмарная буржуазно-европейская вакханалия обжирательства, еще вдобавок с балами, концертами, буфетами, напоминает собою трапезы людоедов нагих, без или с поясом стыда, африканцев.

Напрасно она называется просто едой. Это каннибалия очень странная, именно самоедство, себяпожирание...

Помните вы, растегивающиеся от жранья, помните вы, жирные

подбородки шеи и брюха, вы кормитесь на убой, на катастрофу, на крах, на смерть.

И пусть даже аналогия с социальным о жирении одних на счет голодания других будет лишь социоморфизмом, все-равно анархия питания, и без всяких длинных разсужданий, есть фактор отрицательный, не экономия сил организма, которая не может не привести его, наконец, к краху, к смерти. Рассуждай так или иначе, а постоянное введение в организм такой колоссальной массы лишних непитательных веществ, на выбор из которых что-нибудь питательное, которое представляет, при современной асистеме питания, очень незначительный процент, и на выбрасывание всего тратятся все его силы,—не может (a priori рассуждая) не привести к печальной катастрофе, если мы только не забудем, что от питания зависит пока жизнь всего организма.

Рассуждай так или иначе, а выделения говорят о непитании, показывают воочию, убеждают и слепого о негодности нашей пищи, для которой желудок и кишки лишь проходной двор.

Рассуждай так или иначе, а при естественном современном хаосе питания, при той массе блюд, при том противопитательном мусоре, называемом „естественными продуктами", ничего делать нельзя, чтоб вырваться из заколдованного круга, вырваться из цепких лап смерти, ибо это естественное питание есть сама смерть. Из естественного хаоса могли лишь лживо создать мир старые боги, да и то, даже по фантазии религиозных, они лишь создали второй хаос, такое же естество, такую-же путаницу, какая была и раньше.

При доведения же до конца ферментного (по его усвояемости) нового изобретенного питания, назовем его единым или всетельным,

всеорганным, всеклеточным питанием, прекратится болезненный симптом современного хаотического питания (лжепитания), именно выделения. Все пойдет на пользу организма, ничего не вышвирнется, ничего не попортится зря.

И этот план не есть утопия, не религиозная, не научная магия, даже не волшебная сыворотка, и не волшебное омолаживание, а просто гармоническое укрепление, посредством гармонического питания, всего организма, которое и должно предупреждать болезни и старость.

Это путь прямой, не извилистый, не туманный, не за горами и девственными лесами, а широкий, открытый, ровный. Ведь очень легко поднимать усвояемость пищи, уменьшать выделения посредством доброкачественной пищи, еще один шаг, и мы у Безвыделительного Единого Всеобщего Пептона.

Попробуйте только усвоить себе нашу основную мысль, что

выделения—аномалия, болезнь, неэкономия, и вам все станет ясно.

Итак, выделения должны служить показателем краха и банкротства всей современной системы, точнее, асистемы, анархии питания; они смертный приговор над всем естественным разбродным противопитанием, но и в каждом отдельном случае, они должны быть и показателем сравнительной меньшей вредности данного естественного продукта.

А теперь, имея это мерило, и освобождаясь от животного фетишизма питания, от голода, как слепого инстинкта, приложите это мерило, этот масштаб, если хотите, даже к злободневным вопросам, которые также могут быть решены радикально, принципиально, что гораздо экономнее; не только правильнее, но и выгоднее.

И вот опять перейдем от цивилизационного, человечественного продовольственного вопроса к

продовольственному вопросу-тупику т. н. Советской России.

. . . .

Взглянем опять, с высоты жизнеизобретательного, высоты жизни и смерти, на несчастные глубины современности.—Теперь судите; можно-ли после сказанного, говорить о недостатке продуктов, когда добрая половина их сгнивает, с одной стороны, в вагонах, на железнодорожном пути и, с другой стороны, в наших органических вагонах, на пищеварительно-выделительном пути. Очевидно, мы вполне правы были, утверждая, что страдаем от избытка продуктов „питания (лжепитания)", от гниения в вагонах и гниения в кишечниках и проч.

Попробуйте на самом деле оглянуться и увидите, что товарные станции пахнут уборными, а уборные—товарными станциями.

Все будто голодают—а между тем поток грязи все усиливается от все возрастающего количества извержений, выделений. Нас угро-

жает захлестнуть грязная волна наших собственных отбросов, отбросов нашего тела. И все это только от упадка питания вследствие избытка лжепитательных продуктов.

А берите-же пример с пчелы— ея выделения—это об'ядение, великолепный мед. Почему? потому что она питается чистой пищей, пыльцей цветов. И стыдно нам, человекам, изобретателям, что до сих пор не могли придумать надлежащую пищу, чтоб хотя уподобиться пчеле. Нашим (мы говорим „нашим" из-за деликатности) Дарвинам все мерещатся обез'яны, а по нашим выделениям мы совсем близки к одной, не особенно чистоплотной, по мнению ворона, великолепно судящей, т. е. хрюкающей, твари... А если бы поменьше, но получше, продуктов подвезти, все было-бы иначе. А если уж изобретательно взяться за дело, то картина совершенно изменилась бы. Товарные станции, склады, уборные, кишечники, кишки—чистехоньки; отдохнули-бы больные

паровозы, отдохнули-бы больные желудки; починилась-бы железнодорожная сеть, исправился бы пищеварительный тракт. Но это все еще пустяки. Но вообразите, если коммунистическое государство махнуло бы рукой на все естественное питание, предоставляя его естественной деревне — какое счастье это было-бы для него!

И вот еще важное соображение: концентрационные аппараты комм. госуд. не должны разменяться на естественную мелочь, тем более, что они и не в состоянии, вследствие своей централизованности, справиться с естественным хаосом. Аппараты коммунистического государства, вроде Совнархоза, Наркомпрода и друг., несмотря на то, что ограниченные головы не способны их оценить, суть, на самом деле, великолепные, экономические новые орудия, которые мы лишь не можем считать окончательными, т. е. типами будущего хозяйства, потому что они не человечественны и,

притом, не основаны на чисто-изобретательном хозяйстве. Но в чем же дело частой их неудачливости? А вот в чем. Этот колоссальный механизм почти всегда выбивается из сил, на потеху обывательщины и спецовщины, поднять „буржуазную соломинку", в то время, что он легко мог бы—в этом нет для нас никакого сомнения—изобретательно перевернуть весь старый экономический мир. Совнархоз должен был вместо погони за спецами взяться за изобретенное хозяйство, основанное не на труде, а на усовершенствовании и изобретении, а Продком—задаться целью изобретения нового питания, Нового Единого Всеобщего Пептона. Побольше смелости, находчивости и изобретательности—и новые идеальные средства питания давно стояли-бы к услугам Продкома. Но почему Совнархозу, Продкому слабо дается все? Потому, что они плетутся по старым путям. Этим старым путям гармонирует тележка, а не

летательный аппарат. А эти Совнархозы, Продкомы—ведь это экономические, так сказать, летательные аппараты, летательные аппараты, долженствующие поднять вас к коммунизму. Можно-ли при современном хаосе естественного питания добиться равенства распределения? Нет, нельзя. И с другой стороны, Продком, как механизм, которого в старом мире нет, должен, очевидно, делать то, что старый мир не умел делать из-за его хаотичности, из-за его анархии, из-за его неупорядоченности, из-за его разбродности.

Совнархоз-продком-наркомздрав—эти три аппарата должны совместно взяться за изобретенное питание, налечь на него всеми силами. Откройте ряд **Питаньеизобретален**, институтов, в которых будут вырабатываться белки и ферменты, а главное, будут изобретаться новые средства питания, питательные препараты, пептоны, еще лучше, один единопитательный живостроительный пре-

парат, один Единый Всеобщий Пептон, и спасетесь от голода и попутно приблизите Человечество к бессмертию! Или дайте нам необходимые материалы, орудия, приспособления, и мы опытно осуществим эту задачу.—Вы концентрируете хозяйство, концентрируете и распределение,—концентрируйте же и само питание, иначе вы строите все на песке, на хаосе, на естестве, которое разносит все ваши построения в пух, вынуждая вас к частичному отказу от колоссальных ваших механизмов. Нет, пока не упраздните анархию лжепитания, вам ничего не удастся. Упраздните анархию—и все пойдет у вас. Постройте питание на началах вашего концентрационного хозяйственного плана, который, если не дается, то лишь вследствие помехи со стороны анархии питания.

А это будет первый шаг к бессмертию.

Этим спасете не только себя, но и весь мир, и мир мнимо сытых,

спасете себя, спасете все Человечество, от истинного голода, от внутреннего голода, сводящего всех нас, без различия страны, государства и класса, в могилу.

Этим вы спасетесь и спасете всех и от постоянной отравы естественной пищей, постоянного отравления организма избытком продуктов выделения и разложения.

Этим вы освободите город от его питательной кабалы у деревни. Этим раз навсегда город побьет закоснелость деревни.

Совершится чудо—город начнет кормить деревню. Этим вы и нанесете смертельный удар главному очагу смерти, реакции, порабощения женщины—кухне.

Этим вы выиграете в смысле эксплоатации продуктов питания.

Этим минимальным пайком вы обеспечите жизнь и здоровье всем больше, чем Европа и Америка—своим обжорством.

Поднимитесь над всеми мелочами, помните—вы идете к бессмер-

тию. Человечество делает первый шаг к бессмертию, не будьте ему камнем преткновения.

Поднимитесь над инстинктом мнимого голода, не считайтесь им, ибо он слеп: он ревет, бьет тревогу только, когда в желудке пусто, а молчит, когда, мы на самом деле умираем, когда нас отделяет от смерти лишь один волосок—он тогда сыт. Не обращайте внимания на брюзжащего обывателя—он и ночью во сне брюзжит. Пусть вам и не страшен будет ропот бессознательного рабочего, в кототом рычит инстинкт: его можно вразумить, что напрасны его крики, ибо от смерти, при естественном питании, ему все равно не уйти. Не все-ли равно, на самом деле, умереть ли через отравление от мяса или через угашение жизни от вегетарианства. А между тем мы вовсе не так далеки от бессмертия, как думают. До него, быть может, рукою достать. Мешает нам только наша есте-

ственность, инстинктивность, примитивность, халатность, тупое безразличие, привычки, шаблон, погоня за лженаслаждением, т. е. за теребленим нервной системы, наша трусость, а самое главное, глупое умничание.

А пока что речь идет не о бессмертии, а о более простом. Представьте себе, ведь это идеал не так уж большой: чтоб человек перестал быть существом уборной.

И это не бесплодная мечта, а реальная задача, решение которой ныне, благодаря успехам белкового и ферментного составоизобретательства (химии), стало вполне возможным. Пептонизируя, делая составной частью Изобретенного Питания ферменты, которыми желудок и кишки осуществляют процесс питания, мы тем снимаем с них лишнюю обузу, предоставляя им лишь делать то, чего мы пока не в состоянии делать, т. е. претворить питательные вещества в живое тело, в жизнь. Доведя-же пептонизацию до максималь-

ности, мы тем самым прямо и косвенно, через укрепление органов питания, доводим выделения до минимума.

И вот изобретение (впрочем, не в первый раз) вплотную подходит к реализации одного из миөов, в данном случае, старинной библейской легенды о манне небесной, которая, по Талмуду, все сорок лет питания ею Израиля не дала никаких выделений. Вот вам и греческая амброзия. Нектар только так и пропал на пути тысячелетий...

. . . . :

Мимоходом о „нектарах“ и о нектаре нектаров, о поле.

Как противники всякого насилия, мы принципиально против всех принудительных законов. Но если есть люди, которым еще нужно государство и нужны законы, то пусть последним из законов будет закон против алкоголя. И вторым за ним пусть будет, пока хоть тень государства будет на земле, закон против курения. Коммунистическое

государство, которому нечего бояться, как буржуазному государству, синдиката табатчиков, и которому стоит только мигнуть Совнархозу о закрытии своих совершенно непристойных и не клеящихся с коммунизмом двойных отравилень (отравилень работниц и отравилень курильщиков) и их не станет, — должно было-бы делать почин в этом направлении, ликвидировав свой Главтабак. А между тем чуть ли не вся Москва запружена махорочниками и папиросниками. Мы против всякого ареста, но мы не можем понимать, почему это пьяниц арестовывают, а курильщиков оставляют на свободе. Наряду с запрещением этих двух нектаров нужно было принимать меры и против пола, любви, разврата, онанизма и проч. и проч.

Все эти дурманы мешают продовольственному делу тем, что они, как говорят их поклонники, „возбуждают аппетит", на самом-же деле, усиливают клеточный голод и, таким образом, приближают человека к смерти. Для регулирования про-

довольственного дела это не безразлично и с обычной точки зрения, ибо развратник, т. е. человек, имеющий половые сношения, жрет вдвое-втрое больше человека, отвергающего так называемую „половую жизнь“, которая, в действительности, должна именоваться „половой смертью“...

Борьба с голодом, борьба за питание есть потому и борьба с пьянством, курением и с извращенно называемой любовью, т. е. любовью к одному и ненавистью ко всему Человечеству, соединением с одним и раз'единением со всеми.

Тем более борьба за жизнь, удлинение человеческой жизни, невозможна без воздержания.

Вот вам и отрицательное питание, т. е. питание через воздержание—равнение пути к бессмертию.

Но это воздержание станет всеобщим достоянием лишь благодаря Изобретенному Питанию, которое уничтожит главный стимул к алкоголю, разврату и проч., вообще, к возбуждению нервной системы и усилению аффектов (страстей), это—раздражение через вкусовые вещества, переполнение желудка, упадок (клеточного) питания, засорение организма продуктами выделения, и проч., которые психически вызывают недовольство, неудов-

летворенность, ипохондрию, для мнимого минутного устранения и последующего усугубления которых практикуются все дурманы с половыми сношениями во главе, и физиологически, расстраивая пищеварение, усиливая выделительность, создают еще большую почву для дальнейших, еще более экстраординарных эксцессов, и так до бесконечности.

Однако, и этот волшебный круг, прорываемый доныне лишь Самоизобретением и Нравоизобретением, окончательно скассируется Изобретенным Питанием, которое откроет новую Эру Единого Человечества Единой цивилизации—Единым Питанием. которое, удлиняя человеческую жизнь, обеспечивая ее, поднимет человека над грубым, нисшим, к высшему и возвышенному, к великому и грандиозному, к Всеизобретению, к Человечеству, к Вечному Плану и Предплану (Идеалу), освободит от антиидеалов, шкурнических идеалов, и шкурнических цивилизаций, от антицивилизаций, даст ему новое содержание для заполнения его длинной долголетней (а после и вечной) обеспеченной жизни, которая уже не сможет сосредоточиться в одном щекотании головки какого-то органа, в лакомстве и дурманах, в увеселительных местах, куда современное античеловечество и античеловек уди-

рает от своей пустоты, скуки, несчастия, чтоб забыться, чтоб забыть свою ничтожность в естестве.

В Изобретенном Невыделительном Питании, собственно в Питании (ибо все другие, естественные виды питания суть противопитание), всех этих факторов не будет, и, таким образом, Человечество освободится не только от уборной, но и от спальни-уборной (уборной пола), от проституции, сифилиса, от всех грязных „махинаций", кондомов, онанизма и вообще от всех проявлений пола, и вместе с последним и от алкоголя и через них, от шкурничества, т. е, от преступности первой и второй категории.

Воистину грандиозная перспектива развертывается пред нами изобретенным питанием.

Изобретенное невыделительное Питание означает потому и минимализацию (сведение до самого меньшего) поллюций и менструаций, до полного их прекращения. Оно есть потому и первая ступень к образованию „Духотела (Планотела)", оно укрепит не только тело, но и „дух"-План. Обеспечив вегетативную жизнь организма, сберегая энергию выделений, а главное, половую энергию, Изобретенное Питание окрылит Изобретательность, поднимая ее до Всеплана и, наряду с языком Ао и Скороизобретописью, кладу-

щими социально-психическую основу Человека-Человечества, положит краеугольный камень его телесной основы. И Человек-Человечество полное жизненной энергии, сможет тогда сказать: я был ничем (в естестве), я есть все (в изобретенном, в аицоо-аатицоо ‘1‘42‘3‘3-‘1‘15‘42‘3‘3)!

Я победил себя и уж этим победил весь мир (в потенции). Еще правильнее, я изобрел себя и этим (в потенции, в возможности) изобрел все.

Но для реализации этой победы, осуществления Всеизобретения нужно включить в систему изобретенного питания все виды питания.

. . . . . . , ...

От антицелебного питания переходим к целебному питанию: к лекарствам.

Лекарства, как особый вид питания больных, бессомненно негодны, ибо болезни мало лечить, надо их искоренить, предупреждать.

Таким образом, современная медицина (кроме того, что она страдает сама двумя болезнями современной лжекультуры: наслажденчески-потребиловческим теоретизмом сверху и тупым техницизмом снизу, еще вдобавок, все более раз‘единяющимися и расходящимися в противоположные стороны: первый в схоластику, а другой—в китайщину) дол-

жна быть заменена предмедициной, правильнее, предлечениеизобретательством, главным могучим и существеннейшим орудием которого бессомненно явится Изобретенное Питание, которое должно будет, со временем, быть и всецелебным(панацеею).

Ликвидация пола (т. е. всех противоживоизобретательных его проявлений) явится лишь эпизодом общей ликвидации всех болезней, которая раньше или позже должна быть достигнута Изобретенным Питанием путем чисто-гигиеническим (что предпочтительнее) или включением (пока для больных) в Всеобщий Пептон целебных элементов в совершенно безвредной дозе, как то железа (используя железный пептон), камфоры, фосфора, брома и проч. и проч., осуществляя этим и другим способом старую мечту о панацее.....

- - - - - - - - - - - - - - -

Перейдем теперь к второму виду питания, более важному, чем первый, ибо он более внутренний, более непосредственный, т. е. почти что прямо проникающий в кровь—это дыхание, которое и несет нам как все естественное, анархическое, хаотическое, вместе с минутной жизнью вечную смерть своим постоянным отравлением нас углекислотой и проч. и проч. В дыхании, т. е. в проти-

водыханнии, в дыхании-выделении, точнее выдыхании и свила себе прочное гнездо—смерть. Как видите, мрачный ужас небытия обитает в нас самих, в нашем естестве, и изо-дня в день пожирает нас, отравляет нас, сожирает нас. Ежесекундно мы испускаем дух пока наконец не испускаем последний дух. Углекислота-выдыхание, дыхание-выделение, т. е. выдыхание, совершило свое дело, свое пожарище, сожгло до тла—и труп, наше пепелище опускается в могилу.

Итак, мы имеем перед собою в себе—поставим диагноз, но не для ужасения, а для излечения, спасения—два или чуть ли не три отравления: a) отравление через выделение мочи, b) отравление через выделение кала и c) отравление через углекислоту, через выдыхание.

Но все три отрицательных явления побеждаются, покрываются положительным созидательным процессом питания. Но когда анархия, хаос, естество осиливает его, точнее, когда оно само, будучи частью естества, хаоса, и не будучи само чистоположительным, не будучи, на самом деле, отделенным от своих соседей по хаосу, или от других более отрицательных для нас хаосов—тогда наступает голод—смерть, которому уже сопутствуют все три вида отравления.

Наша смерть в клубке, в путанице,

в беспорядке, в примитивной слитности (лжесинтезе) строительных белков с отравой-мочевиной, питательных веществ с продуктами разложения, кислорода с углекислотой.

Наша смерть, наше разорение, в беспорядочности экономии организма, во всех родах выделений, которые, как прорехи в мешке, как бездонность в бочке, не могут не привести к дурному концу.

Но дурной конец для дальневидного не в последней катастрофе, а в предыдущих осложнениях. Мы дважды умираем, следовательно, в уборной. Мы умираем в третий раз, уже постоянно денно и нощно, в бодром состоянии и во сне—**выдыхая**. Но в городе мы еще в четвертый раз умираем, умираем и вдыхая, умираем, дыша на фабриках, умираем на отравленной автомобилями, грузовиками и проч. улицах. Умираем **в пятый** раз и в деревне, в хатах, в домах, питаясь воздухом-гнилью-падалью.— —

И примитивно-цивилизованный получеловек, т. е. полуцивилизован-

ный и полудикий тип европейца, приподнимая край этой завесы, об‘ятый ужасом, хочет удрать, удрать от цивилизации. Но куда? обратно к природе, т. е. в лоно смерти. Таков Руссо, Толстой, и прочие анархо-реакционеры, менее смелые, вечные пленники городов и романтики деревенской „слободы“, деревенской или первобытной анархии...

Но куда прикажете удрать тем, которые сознают, что они носят смерть в себе. Как удрать от себя? Куда удрать тем анти-Руссо, которые убеждены, что если какая-то полуцивилизация приносит смерть, то это потому только что она все еще полуестество, потому только что она ее перевезла от прошлого полного естества. На самом деле, почему люди в городе умирают, не потому ли что умирают и в деревне, не потому-ли что умирали прежде, чем еще были города, на лоне „милой природы“! Не из деревни-ли, из естества, человек при-

нес с собою смерть? А в чем-же дело? откуда и почему она тяготеет над всем живущим?

На это мы уже пытались выше дать ответ. И если мы тут укажем, вдобавок, и на связь смерти с дыханием (т. е. с выдыханием), то это уж никого не удивит, ибо изстари дыхание связывалось, даже отожествлялось с жизнью; а когда вы убедитесь, что оно ведет в могилу; то уж все станет вам ясным. При том, кто вник в сказанное выше относительно выделений сразу согласится с тем, что как бы то ни было, а выдыхание такая же неэкономия, как испражнение. Если это выдыхается, то для чего это вдыхается, и если это вдыхается, то для чего это выдыхается. Очевидно, системы никакой нет. Это просто дыхательный хаос, дыхательная анархия. И эта анархия еще более печальная, чем предыдущая, ибо она постоянная, беспрерывная. Организм, таким образом, половину своих сил тратит на ветер (если уж даже

принимать абсолютную безвредность выдыхания само по себе). Буквально половина нашей жизни есть смерть, половина нашей жизни уходит на совершенно бесполезный, так сказать, телесно-непроизводительный труд. Анархия дыхания, следовательно, еще более анархична, чем анархия питания. На самом деле, по отношению к питанию мы всетаки кое что делали, наложив на него хоть цивилизующую руку, урегулировав время еды, приноровив его к особому циклу, так что в питание все-же внесена кой-какая внешняя систематичность, последовательность, которая устраняет возможность совпадения выделения (испражнения) с едой. К тому еще мы нашу пищу всегда принимаем в некотором „полуобработанном“ виде. Что касается же дыхания ни того ни другого нет. Тут ни на шаг мы не двинулись вперед, ни на иоту не отступили от „природы“. В нем мы все еще находимся на той нисшей ступени, за-

мечаемой у нисших простых животных, у которых выделения следуют сейчас-же после еды, еще более, происходят во время еды. Далее, если присмотреться к дыханию, то вы увидите, что оно сохранило постоянный и средовой характер, два признака питания растений: оно происходит постоянно, не приурочено к определенному времени, черпается прямо из среды и, вдобавок, в совершенно не обработанном виде, словно растения, пускающие свои корни в почву и оттуда постоянно добывающие себе пищу. Дыхание потому еще вреднее, неэкономнее, анархичнее еды, которая предпосылает по большей части приготовление, некоторую искусственную чистку, варку и проч., чего совершенно нет в дыхании; которое берет всю естественную смесь воздуха, не заботясь о предварительной очистке его от испорченного, так сказать, грязного, гнилого, тем более, от лишнего, ненужного. Дыхание, следова-

тельно, представляет собой наивысшую анархию, наиполнейший хаос, и нет ничего удивительного, что оно наитеснейшим и наинеразрывнейшим образом связано со смертью: каждый выдох это шаг к смерти, невидимая нить смертной сети; это мы тчем, плетем наши саваны собственными легкими. И если как выше указано, испражнения—аномалия нашей пищи, то выдыхание—аномалия аномалий: аномалия, так сказать, дыхательной пищи, вредной смесеобразности воздуха, в котором добрая половина элементов лишня, а некоторая часть и ядовита; аномалия полной необработанности и полезной наименьшей части или всей смеси вместе взятой; обусловленная уже предыдущими аномалия выдыхания, вообще, и, наконец, обусловленная всеми указанными аномалия беспрерывности, как вдыхания, так и выдыхания.

И если язык АО правильно клеймит все естественное питание, как противопитание, как „биубэбо“,

т. е. как голод, как отрава, и Скороизобретопись его ставит всегда под знаком минуса, то самим собою разумеется, что с еще большим правом Ао и Скороизобретопись правильно обозначают естественное дыхание, как задыхание, задушение (би'убэбата).

Что-же делать?

Относительно дыхания приходится пожелать хоть самого меньшего, хоть некоторого „приручения дышущего зверя“, добиться хоть некоторого цивилизования. Обработка дыхательного материала, очистка, исключение лишнего и тем более вредного—вот с чего надо начать для того только, что пробить себе дорогу к изобретению из тупика примитивности, естества. Как это делать? если возможно сразу все изменить крупным изобретением, тем лучше. Если-же нет, то мало-по-малу. Пойдем по пути цивилизующегося грудного ребенка, как он помаленьку карабкается из растительной стадии в животную, а

из нея—в человеческую. Рождаясь, он все еще продолжает или спать или сосать, значит в питании уже перешел один перелом, перерыв во время сна, которого раньше в утробной жизни не было.

Вы уж в биогенетический закон Геккеля ударились? подумает питомец научного суеверия. Нет. Гипотезы насчет повторения особью истории расы оставим Гербертам Спенсерам, Гербартам (с их „культур-гисториш-штуфен-методе“) и Геккелям, всем неосхоластикам, теологам науки; наши-же задачи другие: задавательные, плановые, изобретательные.

Важно нам только указать, что ребенок, чем больше цивилизуется, тем реже, тем большие перерывы у него между одним приемом пищи и другим.

Первая наша задача потому и есть перерывы дыхания, добиться того, чтоб можно было надышаться в течение известного промежутка на некоторое определенное время,

а это означает иначе: отделить, первым делом, выдыхание от вдыхания. На самом деле, для того, чтоб наладить настоящую систематическую борьбу с выдыханием, надо его иметь в изолированном состоянии, после чего только его можно будет оттеснить мало-по-малу или сразу (в зависимость от успехов Изобретательства) устранить. Метод же борьбы с последним сведется к одному и тому же повышению доброкачественности и уменьшению количества, долженствующему уменьшать, как в питании, так и в дыхании, выделительность, пока не перейдем к бесконечному повышению изобретенности и уменьшению естественности питательного и дыхательного вещества или начала.

Это путь реальный, имеющий твердую почву под ногами в факте не глубокого дыхания за время необеднения крови кислородом. Следовательно, если нам удастся ввести в кровь достаточно кисло-

рода или чего то другого, еще более питательного, то нет сомнения, что за весь период кислородной или х-овой сытости крови и организма, мы сможем прекратить выдыхание. Идя по этому пути все дальше и дальше, мы и не можем не добраться, наконец, к Полноизобретенному Дыханию, к невыделительному, т. е. **Невыдыхательному Дыханию.**

И тут опять очевидно для всякого мало-мальски разумного (уж не требуем надразумности, изобретательности) человека, что это не гокус-покус, не волшебство, не иогизм, не витание в воздухе теоретизма, а вернейшая надежнейшая поступь Новой Истинной Цивилизации Изобретательства—с его новым методом-Планом. И что все это, как и питание, так и дыхание, должно быть и будет Единым, Планомерным вместо современной расхлябанной анархии, вместо современ-

ной множественности, как продуктов питания, так и продуктов дыхания — это опять таки ясно будет всем тем, которые вникнут в Единый План Всеизобретательства, призванный, самое меньшее, коренным образом преобразовать Все, как т. н. тело, „дух", „общество" и „мироздание" и который руководит всеми нашими заданиями, помыслами, намерениями, критикой естества и проч.

Это Единость Новоцивилизационного Метода, долженствующего открыть собою новый реальный золотой век неимовернейших изобретений, затмив и заклеймив, как наивно-первобытное ребячество, славность и величавость перехода от схоластики к науке. Это новый метод, новая логика (надлогика), разсматривающая и индуктивную логику лишь как вторую стадию дедуктивной аристотелевски-средневековой схоластики. Это „Изобретение", как новый метод

гносеологии (надгносеологии) второй занаучной, наднаучной цивилизации. Не „книги", не толкование природы, не наблюдение и не опыт, и не эксперимент, словом, не гипотеза-теория—а План и его корректор, ревизор, вернее, реализатор: Изобретение. Иначе, Одно Единое Изобретательство: Предизобретение, Соизобретение и Поизобретение, и Его Единый Институт: Всеизобретальня.

Нужно довести дело, начатое цивилизацией до конца, не остановиться на полупути, не ограничиться половинчатостью, рок тяготеющий над всей современной „искусственной" цивилизацией, неполноестественной и неполноизобретенной. Печать поверхности и противоречивости лежит у нея на всем; над ея лжеобществом висит дамоклов меч противообщественности, антисоциальности, преступности, войн, революций, классовой и проч. борьбы; над ея „ми-

ром“, „космосом“ реет хаос, вихрь планет, призрак возможности столкновения и гибели всей „нашей“ планеты, над ея „духом“ тяготеет рок нервности, различные степени безумия: непроизвольное воспоминание, ассоциации, сумбурные мысли, нездоровые чувства, похотничество и проч., и над ея „жизнью“—реет ангел-дьявол смерти, всю ея возню как бы заглушает хохот сатаны...

Над ея логикой распростерло свои мрачные крылья Противоречие: каждое утверждение, каждое понятие таит в себе свое внутреннее логическое противоречие, свое отрицание (вскрытое диалектикой Гегеля и др.). Над его гносеологией опущен черный занавес агностицизма, интуитивизма и проч.

И над ея городами смердят дымные трубы, в ея улицах автомобильный яд—трущобы, мерзость, нищета, голь, несправедливость, неравенство и смерть. Отчего все это? от эксплуатации Изобретателя;

от неумения или нежелания сказать В, когда А уже давно сказано. Если не книга, не схоластика, то и не теория. Если не метафизика, то и не физика, ибо физика тоже метафизика. Если дедуктивная логика не годится, нужно быть последовательным и не доверяться ни индуктивной, ни экспериментальной и т. д. Все это от духосмакунства.

Если не нагим, то и не наша одежда, которая ни к чему не годится, пропуская теплоту и мешая организму; если не сыроедение, то и не вареная пища; если не деревня, то и не город. Словом, если мы, отрекаясь от естества, приняли математику, логику, затем даже—еще большую и наивысшую противоестественность духа—гносеологию, то надо идти к надматематике, надлогике и, самое важное, к надгносеологии и т. д. Если не индивид, то и не интериндивид („общество“).

Если мы вступили в город, то остановиться уж нельзя, и надо пойти к надгороду, к Изобретальне.

Но мы каждый такой шаг тормазим; охая да смакуя, мы останавливаемся на

каждой ступеньке цивилизационной лестницы. А между тем наша жизнь все более дезорганизуется, отрываясь от старого, окончательно обесценивая естественное содержание, и нового нет. Как медведи мы сосем лапу предыдущей цивилизации,—пока она, тощая все более, не превращается в сухую щепку; мы так безрассудно расточительно эксплуатируем старые полу-Изобретения, а созданию истинных ценностей, Изобретанию, мы всячески мешаем—душим. Вот где корень всего зла: Мы эксплоататоры изобретателей, паразиты предыдущих славных былых времен, изобретших нам порох и Америку. А живя насчет накопленного капитала, духокапитала, нагромождения, простого количественного увеличения, насчет простой арифметики цивилизации, мы скудеем, измельчаем, обнищаем все более внутренно, качественно одновременно с наибольшим набуханием. Большие заводы—и ничего нового они не производят, кроме чахоточных. Большие колоссальные города с обнищанием жизни, с смертоносной роскошью.

Итак, „искусственность", т. е. половичатость и паразитство, потребиловчество, есть бич нашей переходной эпохи дезорганизации естества, мы бы сказали—если-бы

естество, хаос, можно было-бы вообще, дезорганизовать. Так называемый умственный труд, все более ставший уделом горожанина, расстраивает как его пищеварение, так и его дыхание. Не очевидно-ли, что горожанину, и без всяких других соображений, нужна новая пища, идеально-усвоемая, пептонизированная, словом, Единый Пептон. Без последнего ему предстоит гибель, ибо пища должна соответствовать „труду“, а если его труд новый, изобретенный, вся его обстановка новая, изобретенная, то пища не может остаться естественной, создавая этим дисгармонию, „искусственность“. То же самое и относительно дыхания. Чем интенсивнее, качественнее, квалифицированнее „труд“, то тем больше от него замедляется дыхание, в чем корень всех наших бедствий.

Но все это еще сказано не так, как надо было. Все это мямление старого дряблого языка, так же „искусственного“ (не естественного,

ибо он грамматизирован, и не вполнеестественного, ибо он не изобретенный) испорченного, как все в переходной цивилизации. Мы говорим о „труде“, а надо говорить об Изобретении. Сам термин умственный труд есть синкретизм проходящей эпохи, незрелый плод духовной культуры, которая называется наукой, видящей свою основную задачу не в создании, а в накоплении, нагромождении мнимых духовных ценностей, „духокапитала“, в крысости индукции, в, так сказать, умственном поте, точь в точь как современная материальная культура громоздит, концентрирует свои капиталы, думая, ими создать истинные ценности. Эта научная кропотливость не захватывает так, не обнимает так всецело и всесторонне человека, как Изобретение, как Изобретательство, основывающееся на едином „духе“, на одной всеспособности всеоб‘емлющей единствующей Изобретательности.—Эта новая цивилизация, для спасения своих

Изобретателей; еще более заинтересована, как в Изобретенном питании, так и, в еще большей мере, в Изобретенном Дыхании, в возможности приурочить его к определенному времени, чтоб после совершенно от него освободиться и, таким образом, достигнуть наивысшего бесвредного сосредотечения внимания, в видах наибольшей Изобретательности.

Изобретенное питание-дыхание, следовательно, нужно горожанину и в еще большей мере, Изобретателю с двух сторон: как пополнение, возмещение и обесвреживание задержанного питания и дыхания, и как овозможнение будущего еще большего продления задержания вплоть до полного его прекращения на время Изобретательности. А это последнее имеет колоссальнейшее цивилизационное значение, так что Изобретенному Единому Питанию суждено не только преобразовать, точнее, преизобретать „тело“ человека, но и „дух“, осво-

бождая человека от растительных процессов, а главное, устраняя именно основную помеху вниманию—дыхание и делая этим возможным изобретение единого „духа“, т. е. превращение последнего в Единый План.

Но всему этому мешает болезнь научной эпохи: эклектизм. Эклектическая логика (индукция с дедукцией), эклектическая гносеология (критицизм, агностицизм, интуитивизм), эклектическая математика, эклектическая физика (материя, энергия и проч.), эклектические производство, распределение и потребление (естество, труд, искусственность; полезное и роскошь, свободная конкуренция), эклектическая пища, эклектическое дыхание, эклектический город, эклектический капитал (машина и труд), эклектическое общество (индивид и интериндивид) и проч.

И напрасно этот эклектизм (путаница) силится возвести себя в систему, в плурализм, в многообра-

зие, многогранность и прочия художественные словечки—он асистема, анархия, и—мещанство. Мелкоумие, мелкохозяйство, мелкошкурничество и мелко-политиканство.

И потому на надгробном камне современной научной „цивилизации" будет „красоваться" надпись: „От одного берега, от берега полного естества отстала и к другому, к берегу Изобретения, не пристала". Вот это и есть то, что клеймят „искусственностью" Утеряв свою наивную естественность, наука создала себе трансцендентное идолопоклонство, отвлеченную природу! Боготворя естество, апофеозируя природу, сама она заперлась в городе, в своем храме, точнее, в своей синагоге-университете и церкви-партии—может ли быть что-нибудь смешнее, чем этот „культ природы" в университете. Не есть ли это трагикомедия почитания естественных небесных богов не на горах, не на Олимпах и Синаях, а— в больших каменных зданиях, в

церквах. Это непоследовательность не долго продежится. Крах науки произойдет быстрее краха религии, соразмерно тем большим невероятным успехам, которые будут достигнуты Новой цивилизацией: Всеизобретательством.

И раньше и после и одновременно будут ликвидированы и все другие половинчатости, „искусственности“, анархии, мелкохозяйничество, мелкополитиканство, автоорганизационности, мелкодушество, автокультура, бедламы анти-социального „художества“ и творчества“, словом, все „автости“, „интеры“, междости, интериндивидуалы, междупитание, междудыхание, междумарание, междусовокупление („обрыв“), междуприродие (город, капитал, труд и проч.). Пища или будет полноестественной или полноизобретенной. Наше дыхание будет или остественным, деревенским, лесным, или изобретенным, кислородным и т. п.

Потребиловец или станет дегенератом, чисто-зоологическим

индивидом или Антииндивидом, Изобретателем. Итериндивидуал— это итерсексуал, „обрыв“.

Или или: средины нет.

Город или станет Изобретальней или совсем его не станет. Горожанин или будет дышать кислородом и т. п. или совсем испустит последний дух.

Но место для пессимизма нет. Новое самое могучее орудие в руках Человека, Над-дело, надкапитал, надтехника, наднаука, надпознание: Изобретение. Новый могучий „дух“, мовый могучий разум, Надразум, вместо старого научного мелкоумия, притупевшего и несколько заржавевшего разума, а, главное, новая гранитная мощная воля, Воля-Диктатура, Надволя, незнающая, что такое похотничество, сластолюбие, дряблость, разочарованность, пессимизм. Это Изобретательность.

И новый могучий Человек будет, не индивид, не интериндивидуальная тряпка, юбка, а Антииндивид; не комок змеиноизвиваю-

щихся страстишек, не дряблый смакун, интер-смакун (кондомист, обрывист) и автосмакун (онанист); не подлый, кровожадный паразитарный самораб, т. е. угнетатель и организатор, и не паршивый паразитарный раб, угнетенный и организуемый. Человек-Бог, Создатель, создавший, создающий и который вечно будет создавать,—изобретать и изобретат и тогда, когда уже не будет ни земли, ни солнца, ни звезд,—он один останется в своей им изобретенной новой „вселенной", новой истинной Бесконечности, как Абсолют в им изобретенном Абсолюте. Это Изобретатель, Всеизобретатель, ныне порабощенный и эксплоатируемый всем: „обществом", миром, „телом" и „духом"; эксплуатируемый всеми классами, типами, группами: дворянством, крестьянством, буржуазией, пролетариатом, люмпенпролетариатом, нищими, босяками, угнетателями и угнетенными, организаторами и организуемыми, капиталистами и рабочими, чиновниками и гражданами, властьимущими и подвластными, генералами и солдатами, тюремщиками и заключенными, милиционерами и преступниками и проч. и проч.

Но порабощенный и мучимый—с ним все Человечество порабощено и мучимо;

осужденный паразитами на смерть, мешая ему изобретать бессмертие — с ним все Человечество распято, казнено, стоит обоими ногами в могиле. Но скоро он освободится, и, освобождаясь, всех освободит, освободит и своих эксплоататаров; изобретая бессмертие, он всех сделает бессмертными — и своих подлых убийц, сократителей его жизни, — всех, кроме, может, одного себя; болея, он для всех изобретет здоровье; вечно сосредоточенным и опечаленным он для всех изобретет вечную „радость“.

И новый не город будет, один единый негород для всех людей земного шара, Один Единый Надгород, Изобретальня, Одна Единая Всеизобретальня, без народов и стран, без городов и деревень, без „миров“ („универсумов“), без обособления планет, без планетного сепаратизма,—Одно Единое Человечество, Человечество Всеизобретателей.

Все это будет дело рук Всеизобретательства, Единого Плана Единого Человечества, Человечества Всеизобретателей.

И это не сказка, не миф, не фантазия, не утопия, не поэма; это

Новая Цивилизация. Когда она перелистывает страницу культуры, то перед ея величием глохнет всякое бывшее чувство, бледнеет всякая бывшая мечта, глупеет всякий бывший ум, тупеет всякий бывший разум. Так знаменовался переход от религии к науке, так— нет! не так, а несравненно, абсолютно несоотносительно, надабсолютно больше, выше, грандиознее будет ознаменован переход от науки к Всеизобретательству.

Это не мечта, ибо это надежный путь, испытанный всей предыдущей цивилизацией; от первобытности до наших дней, Метод. Это План и Предплан.—

Мы задыхаемся, мы отравляемся городским воздухом, мы все кандидаты в чахоточных,—вся наша цивилизация находится, так сказать, под блокадой каменных стен; мы пребываем в постоянном голоде, голоде нашей крови, в кислородном голоде. Но разве нет выхода? ведь выход на лицо. И не думайте это опять таскание де-

ревни к нам, другой обратный возврат к природе, утопический возврат природы к нам. Это не город-сад, не расширенные скверные или хорошие скверики. Нет, это превращение сразу всего города в один колоссальный сад, но без сада, в один гигантский лес, но без лесу, без деревьев,—и весь город, снизу до верху, с первого этажа до последнего, с дома до небоскреба. И для всех, для всех легких. А план простой.

Устройте центральную городскую кислородную станцию; вроде электрической, вроде водопровода, проводите по всем домам частным, публичным, по всем фабрикам, заводам кислород, кислородные дыхательные трубки. И зажгутся потухшие глаза у чахоточных, зарумянятся щеки у бледных, выпрямятся согнутыя спины и заиграет красная кровь у анемичных.

И скажет обыватель: да, коммунисты что-то умеют делать кроме того, что ницонализировать,

отнять имеющееся—вот они национализировали воздух на здоровье всем.

Устройте по всем фабрикам на каждый час работы пять минут дыхания кислородом, индивидуально или посредством кислородных комнат, зал, вместо грязных курилен и проч. нечистых мест—и будет вам самый лучший „митинг“, самая лучшая производственная пропаганда!

И вот вам будет и питание, настоящее бесплатное питание!

И не говорите, несчастные пленники естества, это утопия. Все было утопией: и железная дорога, и аэроплан, и телеграф и телефон, и радио; все было утопиею, все остается утопией пока к нему не прикоснется волшебный жезл Изобретения. Не делайте и мелочных расчетов, говоря, это дорого обойдется.

Нет. Не больше, чем все санатории, чем все дома отдыха, чем социальное обеспечение. А ведь

это будет настоящий санаторий, один санаторий для всех. Это будет настоящее социальное обеспечение всех, обеспечение жизнью.

И город воистину станет „градом солнца“, но не естественного солнца, а солнца изобретения, солнца солнц Человека-Человечества, солнца Изобретательности, солнца **Единого Плана**,—значит, уже не городом, а Изобретальнею.

Это будет солнечная жизнь, не омраченная чахоточным увяданием. И выбит будет топор (чахотка), подрубающий молодые жизни, из рук палача, естества.

Исчезнут уборные, называемые уборными и исчезнут уборные, называемые кухнями, перед лицом Изобретенного Питания.

Исчезнут мусорные ямы, всякая нечисть—их очистит озон.

Исчезнут все курильщики, все курительные комнаты, где люди ныне вдыхают смерть, их заменят кислородные залы, где люди будут вдыхать жизнь.

Исчезнет, наконец, и сам город, фабрики, заводы, канцелярии, казармы, и проч.—их заменит одна Единая Изобретальня.

И Человечество сделает второй шаг к бессмертию.

Вечное дыхание жизнью.

. . . .

И вот мы добрались до третьего вида питания, самого элементарного, до питательной среды, до питания всем телом—это питание теплом.

Отсутствие тепла, концентрационного отопления, топливной хаос, топливная анархия в виде пагубных смертоносных углекислотных печек расстраивает, дезорганизует всю систему питания организма. Как в естественном пищевом питании чередуется голод и обжорство, так оно и в естественном первобытном тепловом питании: или жарко как в бане, или холодно как на дворе. Но как одно так и другое разлагивает тепловую экономию организма, порождая ту аномалию, ту анархию, о которой речь была выше: обжорство одних и голод других,

в данном случае, обжорство теплом внешних органов, клеток кожи и т. п. и полное тепловое голодание внутренних органов, клеток, что очень опасно.

А между тем это обжорство обходится дороже, чем нормальное равномерное концентрационное правильное распределение теплового питания.

И с точки зрения простого экономического расчета: если собирать все эти пакостные печки и высчитать в сколько они обходятся, то окажется, что центральное городское электрическое **отопление обошлось бы гораздо дешевле.** И сколько дезорганизации, анархии и обжорства исчезло бы, какие громадные сбережения продуктов!

И в этом отношении нужно, следовательно, держаться общего правила: всегда вверх, никогда вниз. Никогда не опуститься. И если парового отопления нельзя теперь наладить, то нужно наладить, по крайней мере, **электрическое** центральное городское отопление, если не изобретут что-нибудь получше.

Кстати об одежде, о так сказать, „доме“ нашего организма.— Тот хлам разных безделушек, который тащит на себе европеец мужчина, уж не говоря о женщине, есть лишь остаток и видоизменение древней дикой татуировки, и современная одежда, мешающая циркуляции крови в организме, и пропускающая тепло организма. бессомненно заслуживает лишь названия „противоодежды“.

Изобретение идеальной одежды, поощряющей кровообращение, значит содействующей равномерному правильному распределению питания-крови по всем органам и клеткам, и в одно и то же время и совершенно нетеплопроводной, следовательно, сводящей до минимума количество необходимой для организма пищи, входит потому в круг системы изобретений, ведущей к бессмертию, т. е. к неимоверному продлению жизни человека, которое будет достигнуто лишь победами на всех фронтах питаниеизобретательства-живоизобретательства, и именно сведением всех их до

единого фронта, введением всех их в Единый Всеплан.

Значит, нужна новая изобретенная тепловая экономия, вместо нынешней анархии, неэкономии, „экономии“ полного прорех мешка, „экономии“ бочки без дна... Представьте себе, что за несуразность: с одной стороны такие старания, так дорого стоющее материалы вводятся в организм для поддержания его теплоты и, с другой стороны, это тепло совершенно бессмысленно растрачивается (не только полом, хищником тепла человека), просто рассеивается постоянно без всякой пользы, по ветру, в окружающую среду; эта антиэкономия еще тем более недопустима при изобретенном питании, при котором нужен точный учет прихода и расхода организма.

Итак, новое отопление и новая одежда, как условия **наивысшей успешности Изобретенного питания**, словом как изобретенное тепловое питание без тепловыделения:потениия...

. . . .

И дальше—пусть обыватели и

спецы совершенно испугнутся— если трамвай испорчен, то следует устроить воздушное сообщение со станциями наверху, что было-бы опять новшеством и перещеголянием старого европейско-американского мира. Старый мир воочию убедился бы в его отжитости.

И вот мы подошли к отрицательному питанию: движению. Отсутствие трамвая, то, что приходится делать большие концы обходятся обществу слишком дорого. При настоящей малоколичественности продуктов это означает: совершенно зря истреблять продукты, которые пригодились бы для других голодных, или для себя в другой раз. От чрезмерного движения опять таки обжираются.

Нужно, следовательно, пустить трамваи во что-бы то ни стало. Зимою их следует отапливать тем же движущим их электричеством, что очень легко и что не сделано до сих пор лишь по недомыслию.

Но самое лучшее это конечно ввысь: воздушное сообщение, это путь изобретения. Человек должен

перестать быть червем земли. Новое изобретенное питание, главное, дыхание облегчит ему этот путь, давая возможность пребывания в безвоздушном пространстве. --

Коснемся вскользь и основного отрицательного питания, фактора разлагаемости организма, труда. Тут в этом пункте Жизнеизобретательство (по научному: биология) находится в зависимости от Хозяйствоизобретательства, как и успех Хозяйствоизобретательства, в свою очередь, находится в зависимости от успехов Изобретенного питания и, вообще, Жизнеизобретательства, на что еще указывается даже в научной политической экономии (зависимость количества труда от заболеваемости). Слово, следовательно, в данном серьезнейшем вопросе за Хозяйствоизобретательством, которое тесно свазано с Изобретательством, с машиноизобретательством. Нам важно здесь подчеркнуть лишь то, что должно стать достоянием сознания всякого рабочего без исключения, и тем более его авангарда, что ликвидация

смерти, т. е. крупное удлинение человеческой жизни возможно лишь по ликвидации рабочего, как такового, по замене его автоматом, следовательно, по переходе к Изобретенному Хозяйству и Автоматическому Производству.

И в этом весь смысл, историческая роль, миссия рабочего класса по одержанной им победе: содействовать, по крайней мере, не мешать его неизбежной и спасительной ликвидации—если он не отупеет как буржуазия, впадая в полнопаразитарную психологию, выражающуюся в формуле: „после нас и потоп“. Но если вспомним, что даже буржуазия, хотя в общем всегда паразитует и часто душит всякое изобретение, все-же частично содействует Изобретению, насколько она в этом заинтересована, то поймем, какую огромную роль предстоит играть Изобретательству еще при господстве рабочего, которое и подготовит будущее господство Изобретателя. При всех этих исторических перевалах Изобретенное Питание призвано играть

свою особую роль: в период господства труда, облегчить труд, не обременяя его полнотой желудка; при постепенном же оттеснении труда машиной до последнего акта ликвидации его и до этой ликвидации задача заключатся в том, чтобы путем облегчения и сужения вегетативных функций, посредством сбережения бессмысленно анархически расточаемой энергии на питание и потребление, поднять Человека к наивысшей Изобретательности и таким образом опять таки косвенно содействовать ликвидации труда и проч. и вообще удлинению жизни, следовательно, достижению реального бессмертия. —

Нам остается лишь упомянуть еще об Изобретпитании, как о важном средстве борьбы с усталостью. Еще на пути к ликвидации труда Изобретпитанию суждено сыграть существенную роль в деле уменьшения, как телесного, так и духовного утомления, и следовательно, быть лечителем главной болезни полуцивилизации города: нервности. Через все большее уменьшение

утомления, посредством все большей качественной максимализации (интенсификации) и количественной минимализации, Изобретпитание должно достигнуть современем полной ликвидации утомления и принужденного отдыха, и вместе с ним и лодырничания, постольку последние является следствием, психической задержкой, обусловленной воспоминанием о предыдущей усталости и страхом перед повторением таковой в будущем. С ликвидацией усталости (и только тогда, ибо раньше всякие попыки в данном направлении утопичны, химеричны, лишни и, следовательно, вредны) перед Человечеством встает проблема сна, как насущная потребность удлинения жизни („тела") и Изобретательности (жизни „духа").—

Сон, усталость, пол и питание образуют ту канву, на которой вышивается Новая Цивилизация Жизни, Единый План Жизни, над детальной разработкой и осуществлением которого работает Жизнеизобретательство, которое призвано вместе с другими Изобретательствами, т. е. с Всеизобретательством, ликвидировать и науку, и религию;

заняв их место и, вдобавок, место государства, города, фабрики, канцелярии, казармы, и проч., упраздняя все их и сменяя все их Единым своим Институтом: Всеизобретальней, отделом которого является Жизнеизобретальня с ея основным ядром: Питаниеизобретальней. И только так, связно-цельно, едино-планно, едино-способически (едино-методно) Человечество распутает все клубки, не подвергаясь опасности, распутывая один, еще больше запутаться в другом.

Для нас нет сомнения, что сон есть болезнь, как усталость, как половое влечение и проч., словом, как все инстинкты и все их современные извращения, такая же аномалия и переходность, как вся современная полуцивилизация.

Изобретпитание, изобретжизнь, жизнь по Жизнеплану положит всему этому в недалеком будущем конец, и тем раньше, чем раньше будет сликвидорована анархия нашей жизни все то смаковство, паразитство и потребиловчество. Сон, как отдых, как пол для современного потребиловца не есть обрушивающееся на него стихийное несчастие, удар естества, как пожар (всепожирающее пламя пола), как землетрясение (нервное раздражение, сотрясение), а блаженство, наслаждение калечащаго, татуирующего себя дикаря, поджигателя своего дома ради смака, ради зрелища, ради любви к сильным ощущениям, чередующимися с полным оту-

пением. Смаковство, потребиловчество, половые сношения, нерволихорадка вызывает сон,—но потребиловцы смакуют и сон.

До упразднения цветовой, вкусовой, половой, собственнической, насильнической, садистской, кровавой и проч. и проч. лихорадки достижение бессмертия, удлинение Человеческой Жизни есть чистейшая утопия.

Потребиловец это понял и выразил в своей священной формуле: „лови момент!“ Но—увы!—несчастный грязный потребиловец не видит, что его „момент“ становится все короче, жизнь все становится короче, и „обрывы“ момента все чаще, и все менее действительны... Эта „цивилизация“, очевидно, „высмакует“ себя скоро окончательно, могила ея вырыта: высмаковывая все содержимое жизни, она оставляет пустой сосуд: смерть; залпом опоражнивая все—оставляет для себя одну пустоту—могилу.

Задача Человечества Всеизобретателей выстроить рядом с ея могилой, „внегосударственно“, **Вечный Дворец Вечной Жизни**, Вечной Цивилизации. Холодный Мраморный Массивный Вечный Дворец над грязной бездной наслажденчества, паразитства, над огненной геенной пожара полов, классов и проч. Это *Летающая Цивилизация*, не бродяжная, не кочевая, но и не *оседлая*, милитаризованная, прикрепленная. Это внепланетарная Цивилизация.

Это не „спящее царство“, не эдем лодырей религии и не царство безделия лодырей социализма. Это Внепланета Вечного Безсна, Вечного Безотдыха, Вечной Изобретательности. Это не бескрылая мечта, это самая простая лестница Изобретений, Лестница Новой Антинаучной Цивилизации, ступеньки которой обрисованы были выше. За уничтожением пищевого, кислородного или х-газового, теплового голода и голода живостроительного материала (разлагаемости от движения, труда и проч.) последует уничтожение усталости и сна, а за ним—смерти.—Но для всего этого, не скрываем, требуется другой подход к делу, к Изобретению, другое отношение, другой взгляд. Требуется расширение кругозора тупого шкурника, потребиловца, смакующего лишь то, что трудами бывших изобретателей лежит под его носом. Словом, требуется, если это возможно для примитивного современного типа, подняться немножко над эксплоататорскипаразитарной психологией по отношению к Изобретению и Изобретателям.

И вновь опускаясь с вершин общих планов Изобретательства к злободневщине, нам остается еще от имени Человечества Всеизобретателей лишь предостерегать вожаков и вождей Класса Производителей, вершителей судеб „сегодня“—от заключения союза пролетариата с живым трупом науки, если они не желают, чтоб

пролетариат был с ним похоронен. Довольно „фиктивных торжественных браков" с бесплодными академиками но пуще этой паразитарной мандаринщины пусть остерегаются чистой китайщины, мертвого трупа спецовщины, второго еще худшего паразита, эксплоататора изобретателей. Современное паразитарное общество благословляет гнилые желуди спецовщины и проклинает дуб Изобретения, одурманивая себя острым запахом пустоцветной академщины. А между тем и академик и спец лишь паразитируют изобретателя и материально, живя на его счет, и духовно, снискав его славу, устраивая себе академии, университеты и техникумы и не давая изобретателям устроить свою Изобретальню, чуя в ней опасность ликвидации всех академий, университетов, техникумов, школ и проч.

Но изобретение придет и займет свое историческое место и горе тому, кто попытается ему помешать.—Мы бы потому не советовали-бы коммунистическому государству, пролетариату, как классу производителей, пока еще малопаразитарному так якшаться с полнопаразитами.

Поменьше обывательщины и спецовщины и побольше изобретательности.

Комм. госуд., если оно не намерено во веки вечные плестись в хвосте старого мира, добиваясь у него признания, а перещеголять его, побить его не одной коммунистической пропагандой, а чем то

более надежным и действительным, то пусть не свяжет своей судьбы с обгладающими его спецами, которые, как жалкие рабы обыкновенных условий, ничего делать не могут при изменившихся чрезвычайных, тем более катастрофических условиях, с жалкими спецами, которые, как животные, когда им отказывает, изменяет инстинкт, идут сами и ведут других по старой видом проторенной дорожке к гибели, к смерти,—а заключит союз с изобретателями и, главное, с Всеизобретателями с Новой Цивилизацией, с изобретателями, которые одни только и способны вывести из тесных тупиков на ширь новых дорог, которые одни только способны перековать все неудачи в удачи, поражения—в победы, горе и несчастье—в торжество.

Не отдел изобретения—а всеизобретение, все для изобретения и все через изобретение.

Этот путь поведет вас к Всепобеде, а Человечество—к Новой Цивилизации.

Убо (конец).

Всеизобретальня.

2-й год по изобретении Человечества.